

Л.Г. ЛУЗИНА

ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

В обзоре отражены материалы тематического выпуска философско-литературного журнала «Логос». В нем помещены переводы новейших работ зарубежных авторов и оригинальные исследования, публикуемые впервые. Основная тема данного издания «Язык и национальное сознание» объединяет широкий круг вопросов, которые задаются проблематикой изучения языка в условиях глобализации. Публикуемые статьи свидетельствуют о возрастающем интересе к проблемам соотношения языка и сознания, в том числе и национального сознания, а также к участию языка в формировании идеологического сознания. В центре внимания исследователей находятся вопросы о связи языка с культурой и этничностью, о соотношении языка и национальной идентичности, о роли языка в становлении и сохранении нации, национализма и национального государства. Важное место отводится обсуждению положения языков, письменных и устных, малых и крупных. Об актуальности этого вопроса свидетельствуют данные, приводимые Вяч. Вс. Ивановым: «Всего в мире в конце завершившегося века было около 6000 языков. Согласно часто высказываемому прогнозу, в ближайшие десятилетия останется не более десятой их части — около 600 языков» (с. 43).

Дж. Джозеф («Язык и национальная идентичность») отмечает, что неизменной темой исследований национальной идентичности последних четырех десятилетий было определяющее значение языка в ее формировании. Многие видные историки, социологи и специалисты в области политических наук утверждали, что существование

национального языка составляет важнейшую основу националистической идеологии. Другие же уделяли большое внимание собранным историками языка данным, которые показывали, что национальные языки не были даны изначально, а сами были созданы в результате идеологической работы по формированию национализма. Например, на протяжении многих веков Британские острова в языковом отношении представляли собой смешение местных диалектов (германских или кельтских по своему происхождению). Только в современную эпоху люди, движимые националистическими интересами, создали «языки» народов Англии, Ирландии, Шотландии, Уэльса и др. При этом в Шотландии сосуществование двух отдельных национальных языков (гаэльского и шотландского) не способствовало, а препятствовало развитию языкового национализма. По мнению автора, пример Шотландии показывает, что в отношениях между языком и национальной идентичностью не существует ничего неизменного. Даже значение понятий «язык» и «нация» меняется в зависимости от контекста. Важным здесь является возможность обнаружения определенных моделей, которые присутствуют при языковом конструировании национальной идентичности во всем мире.

Очевидно, что отсутствие национального языка является одним из наиболее серьезных препятствий, которое необходимо преодолеть при создании национальной идентичности. «Миф национального государства» — общее представление о том, что мир естественным образом состоит из национальных государств, — связан с предположением, согласно которому национальные языки являются изначальной данностью. Однако, пишет автор, принадлежность ряда периферийных диалектов к «немецкому языку» не была предопределена заранее, и даже лингвисты не имеют научного подтверждения этому. «Дело в том, что “немецкий язык”, как и любой другой национальный язык, представляет собой культурную конструкцию» (с.10). Немецкий язык своим возникновением обязан во многом Мартину Лютеру, стремившемуся в своем переводе Библии создать такую разновидность немецкого языка, которая могла бы объединить в себе множество диалектных групп, существовавших до конца XIX в. Приводя другой пример, автор отмечает: возникновение и осуществление идеи современного итальянского языка восхо-

дит (героически и полумифически) к Данте, автору «Божественной комедии», к его трактату «О народном красноречии» (около 1306 г.).

В целом вопрос о том, *что же такое нация на самом деле*, присутствовал в спорах о языке эпохи Возрождения только в виде одного из риторических тропов в рассуждениях, связанных с расширением функциональной сферы отдельного языка или диалекта. Во второй половине XVIII в. этот вопрос стал намного более важным, породив в Америке и Франции революционное действие, а в Германии философское созерцание. В начале XIX в. политические события вывели его за пределы философии для всей Европы. Дж. Джозеф считает, что именно в этой сложной обстановке конца XVIII — начала XIX в. начали складываться современные идеи «нации» и «национализма». Ключевым становится вопрос о «естественных» границах нации. Наиболее убедительный ответ был предложен И.Г. Фихте в 1806 г. в его «Речах к немецкой нации», где он утверждал, что определяющей особенностью нации служит язык. Однако, подчеркивает Джозеф, несмотря на контекст, в котором писал Фихте, язык ни в коей мере не был очевидным кандидатом на роль основного признака нации. Основное значение сочинения Фихте видится в том, что оно побудило немцев восстать против наполеоновского господства, и цель Фихте заключалась в спасении немецкой нации, языка и культуры.

Анализируя современные исследования о соотношении понятий нации, национализма и языка, Джозеф рассматривает взгляды Э. Геллнера, Э. Кедури, М. Биллинга и др. Особое внимание уделяется анализу трудов Б. Андерсона, Э. Хобсбаума и М. Сильверстейна. Важным для современного этапа Джозеф считает такой аспект национальной идентичности, как дискурсивность, поскольку нации являются «интерпретативными сообществами», и идентичности связаны не только с представлениями их носителей, но и с осмыслением и интерпретацией таких представлений. Однако наиболее важным из всех утверждений о национальной идентичности оказывается утверждение о том, что идентичность *действительно* закреплена и дана, *действительно* предопределена нашим рождением и остается, по сути, неизменной на протяжении всей нашей жизни.

Подход к изучению национализма, предложенный Э. Хобсбаумом, привлекает внимание прежде всего тем, что в этой трактовке национализм оказывается связанным с глубокими социально-

экономическими факторами, а также с тем, что серьезная переоценка национализма, предпринятая Хобсбаумом, появилась именно тогда, когда старые разногласия времен «холодной войны» стали историей. Согласно Хобсбауму, дискурс национализма, в том числе заметная роль, приписываемая национальному языку, скрывает другие более глубокие интересы, и «было бы ошибкой принимать этот дискурс за чистую монету» (с. 26). Хобсбаум соглашается со своими предшественниками в том, что национальные языки играют в этом дискурсе важную роль. Но, в отличие от Андерсона, принимающего национальный язык как данность, образующую основу, на которой может быть построена остальная часть национальной идентичности, Хобсбаум понимает, что национальный язык сам по себе является дискурсивной конструкцией.

По мнению Джозефа, ни один лингвист не дал такого же емкого и краткого определения стандартного языка, какое было дано Хобсбаумом: стандартный язык — это «некая платоновская идея языка, которая скрыто существует за всеми его несовершенными вариантами» (с. 27). Затем происходит «мистическое отождествление национальности» с этой идеей языка, которое, по мнению Хобсбаума, характеризует скорее идеологические построения националистически настроенных интеллектуалов, нежели реальное самосознание обычных носителей языка. Джозеф не вполне соглашается с этой точкой зрения: «Хотя исторически в момент первоначального создания национальный/стандартный язык действительно является собственностью националистических интеллектуалов, а не простых людей, он перестает быть таковым, как только попадает в сферу образования и через нее получает широкое распространение. В этом случае языковая идеология становится собственностью всей нации» (с. 27–28).

Дж. Джозеф останавливается также на критике использования «языка при моделировании культурной феноменологии национализма», с которой выступил выдающийся специалист в области лингвистической антропологии М. Сильверстейн. Его критика направлена против такого описания конструирования национальной идентичности, при которой язык рассматривается как что-то само собой разумеющееся и неизменное, тогда как на самом деле язык весьма изменчив. И Хобсбаум, и Сильверстейн считают, что национальные языки и идентичности находятся в сложном «диалектическом» взаимодействии. Кроме того, согласно Сильверстейну, иден-

тичность, основанная на языке, не является историческим локусом национализма: национализм существует в политике и экономике, а то, что мы наблюдаем в языке, есть простое отражение этого реального национализма. В этой связи Джозеф указывает на ошибочность сохранения слишком жесткого разграничения между языковой и политической реальностью.

В статье Э. Хобсбаума «Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность» основной темой является положение языков, письменных и устных, которые по-прежнему остаются основным условием существования культур. В центре внимания автора находится «мультикультурализм» в той мере, в какой он основывается на языке. Вопрос о «нациях» встает в связи с тем, что в современных государствах политические решения относительно публичного использования языков имеют большое значение. Сегодня государства обычно отождествляются с «нациями» (как, например, в словосочетании Организация Объединенных Наций), и существующая здесь путаница представляется опасной.

В этой связи автор указывает на несколько важных моментов. Так, в настоящее время практически все мы живем в независимых и суверенных государствах. В современном виде «государство — это территория, желательна цельная и отделенная границами от своих соседей, в пределах которой все без исключения граждане подпадают под исключительную власть территориального правительства и правил, определяющих его деятельность» (с. 33). На территории государства гражданами являются все, кто родился и проживает в нем. В то же время в разных государствах проживают не признаваемые официальными властями «иностранцы», так называемые «лица без гражданства», «нелегальные иммигранты» и т.д. Начиная с Первой мировой войны произошел стремительный рост числа таких жителей. Далее, какое-то время жители государства отождествлялись с «воображаемым сообществом», сплавляемым языком, культурой, этнической принадлежностью и т.д. Идеалом такого государства считалось этнически, культурно и лингвистически однородное население. Теперь известно, что такое постоянное стремление к «этническому очищению» опасно и совершенно нереалистично. И наконец, представление об одной-единственной, исключительной и неизменной этнической, культурной или иной идентичности связано с опасным заблуждением. Личность многомерна, и ментальные

идентичности человека присутствуют в нем одновременно. Исторически даже в основе национальной однородности лежит такая множественная идентичность.

Все вышеуказанное имеет отношение к основной рассматриваемой здесь теме многоязычия и мультикультурализма. Оба эти понятия исторически новы и возникли, как считает автор, в результате соединения трех условий: стремления к всеобщей грамотности, политической мобилизации простых людей и особой разновидности языкового национализма. Потребность в едином национальном языке появилась тогда, когда простые граждане стали важной составляющей государства; потребность же в соответствии письменного и разговорного языков появилась только тогда, когда эти граждане, как предполагалось, начали читать и писать на нем. Изначально введение стандартного языка преследовало исключительно демократические, а не культурные цели. Чтобы стать гражданином, иммигрант должен пройти проверку на знание английского языка (например, в США). Обучение английскому языку не предполагало отказа от использования родного языка в общении дома и не приносило вреда детям иммигрантов, которые посещали англоязычные школы. Обучение на языках, отличных от стандартного национального языка, традиционно осуществлялось посредством частных инициатив. Положение было иным там, где не было одного преобладающего языка или где языковое сообщество было недовольно более высоким статусом другого языка. По сути, система одного официального языка на страну превратилась в составляющую всеобщего стремления стать национальным государством, хотя с меньшинствами, настаивавшими на признании своих языков, заключались специальные договоренности.

Однако небольшие народы, определяющие себя с этнолингвистической точки зрения, по-прежнему стремятся к идеалу однородности населения. При нежелании сменить язык национальной языковой однородности в многоэтнических и многоязычных областях можно достичь только путем массового принуждения, изгнания или геноцида. Автор приводит пример Польши, которая в 1939 г. имела треть непольского населения, а сегодня почти полностью населена поляками, но только потому, что немцы были изгнаны из нее на запад, литовцы, белорусы и украинцы — отделены, чтобы войти в состав СССР на востоке, а евреи — истреблены. Автор подчеркивает,

что ни Польша, ни любая другая однородная страна не может оставаться однородной в сегодняшнем мире массовой трудовой миграции, массовых переселений, массовых путешествий и массовой урбанизации, если не прибегнет к безжалостному выдворению или созданию юридически или фактически общества апартеида.

Следовательно, привилегированное использование какого-либо языка в качестве единственного языка обучения и культуры в стране связано с политическими и идеологическими или, в лучшем случае, прагматическими соображениями. В сущности, требование официального обучения на языке, отличном от общепринятого, когда оно не приносит очевидной выгоды ученикам, оказывается требованием признания власти или статуса. Но оно также может быть требованием обеспечения выживания и развития «неконкурентоспособного» языка, который в противном случае обречен на исчезновение. Другим важным моментом в этом вопросе является то обстоятельство, что всякий язык, который переходит из исключительно устной речи в область чтения и письма, т.е. становится средством школьного обучения или официального общения, меняет свой характер. Должна произойти стандартизация его грамматики, письма, словаря и, возможно, его произношения, а лексический диапазон должен быть значительно расширен. Сложившиеся культурные языки современных государств — итальянский, испанский, французский, английский, немецкий, русский и некоторые другие — прошли через этот этап социальной инженерии до XIX в. У большинства же письменных языков этот этап пришелся на последнее столетие и ознаменовался соответствующей «модернизацией».

Все вышесказанное, пишет автор, может быть или не быть истинным, но теперь оно в значительной степени устарело, так как произошли три события, о которых во время расцвета национализма никто не задумывался, а теперь не задумываются опасные новые националисты. Во-первых, мы больше не живем исключительно в культуре чтения и письма. Во-вторых, мы больше не живем в мире, где идея единого всеобщего национального языка вообще выполняема, т.е. мы живем в неизбежно многоязычном мире. И в-третьих, мы живем в эпоху, когда, по крайней мере в настоящее время, существует только один язык всеобщего глобального общения, а именно — определенная разновидность английского.

В заключение автор делает несколько замечаний относительно того, что можно назвать чисто политическими языками, т.е. языками, специально созданными в качестве символов националистических или регионалистских устремлений и сепаратистских замыслов. Примером последней по времени является попытка воссоздания корнуэльского языка. Примером успешного конструирования языка может служить иврит в Израиле. Однако все языки содержат в себе элементы подобного политического самоутверждения, поскольку в эпоху национального или регионального сепаратизма естественно существование тенденции к дополнению политической независимости языковым сепаратизмом. «Пока язык не будет так же четко отделен от государства, как религия в Соединенных Штатах по американской Конституции, он будет оставаться постоянным и, вообще говоря, искусственным источником междоусобиц» (с. 43).

В исследовании М. Биллинга «Нации и языки» ставится вопрос о том, насколько «естественными» являются обыденные представления о нациях, языке и национализме.

По мере своего распространения по миру идеология национализма формировала современные обыденные представления. И представления, которые мы считаем столь банальными, оказываются идеологическими конструкциями национализма. Они представляют собой «изобретенные непреложности», которые исторически были созданы в современную эпоху и которые тем не менее переживаются так, словно они существовали всегда. В этом состоит одна из причин того, почему так трудно предложить объяснение национализма. Понятия, которые можно было бы использовать для описания причинных факторов, сами могут быть историческими конструктами национализма.

Ярким примером служит идея языка. Многие аналитики называли язык определяющей чертой национальной идентичности: те, кто говорит на одном языке, могут притязать на чувство национальной общности, и установление национальной гегемонии зачастую связано с гегемонией языка. Несложно построить модель национализма вокруг важности общения на одном языке. Но для этого, считает автор, язык сам должен перестать быть проблематичным понятием.

К утверждениям о том, что языки существовали всегда, следует относиться с осторожностью. Дело в том, что люди умели говорить уже на заре истории, и в различных местах могли развиваться

непонятные друг для друга говоры, но это не означает, что люди считали себя говорящими на «языке». Понятие «языка», по крайней мере в том смысле, который кажется «нам» столь банально очевидным, само может быть изобретенной непреложностью, созданной в эпоху национального государства. Если это именно так, то не столько язык создает национализм, сколько национализм создает язык; или, скорее, национализм создает «наше» обыденное представление о том, что существуют «естественные» и бесспорные вещи, называемые «языками», на которых мы говорим.

Мир различных языков требует установления категориальных различий. Понятие «диалект» становится решающим в поддержании идеи отдельных языков, поскольку позволяет объяснить, почему не все носители языка говорят одинаково. Идея диалекта почти не использовалась до установления национальными государствами официальных образцов речи и письма. Различия между языками и диалектами превратились тогда в очень острые политические вопросы и стали предметом изучения науки лингвистики. Проведение границ между языками и классификация диалектов все чаще осуществлялись в соответствии с политикой создания государств.

Конфликты по поводу языка — привычное дело в современном мире. Они отвечают «нашим» обыденным представлениям. Эти конфликты не просто связаны с борьбой за язык, они ведутся при помощи языка (и при помощи насилия). В этом отношении решающее значение имеют всеобщие или международные аспекты национализма. Если бы не существовало общих понятий, которые можно перевести на отдельные языки и диалекты, конфликты не принимали бы свои националистические формы. Понятия языка и диалекта не являются исключительной собственностью «экстремистов», преследующих узконациональные задачи. Они неразрывно связаны с «нашими» обыденными представлениями, что влечет за собой методологические и политические последствия. Нации могут быть «воображаемыми сообществами», но воображаемые формы невозможно объяснить с точки зрения языковых различий, поскольку и сами языки воображаются в качестве особых сущностей. Для изучения национализма как широкой идеологии и обнаружения националистических положений в обыденных представлениях о языке не следует проецировать национализм на «других» и считать, будто «мы» свободны от всех форм его воздействия. Кроме того, положения, ве-

рования и представления, которые выдают мир наций за наш естественный мир, создаются в ходе исторического развития: они не являются «естественными» общечеловеческими представлениями.

Цель статьи М. Сильверстейна «Уорфианство и лингвистическое воображение нации» заключается в том, чтобы показать, каким образом проведенный Б.Л. Уорфом анализ семиотических механизмов языковой идеологии может помочь нам понять то, что вызывает вопросы относительно серьезной зависимости Б. Андерсона от языка при моделировании культурной феноменологии национализма. Автор обращается к книге Андерсона «Воображаемые сообщества», в которой рассматриваются условия становления национализма идеологической силой, его сохранения и распространения в качестве культурной формы. По мнению Сильверстейна, эта книга является классическим примером уорфианской мысли. Для проводимого анализа представляются особенно важными три темы в исследованиях Уорфа.

Первая тема связана с утверждением лингвистики в качестве социальной науки. В русле этой темы метафорический и буквальный словарь «относительности» был уорфовским способом изложения идеи, общей для Ф. Боаса, Л. Блумфилда, Э. Сепира и его учеников. К основным идеям лингвистики как обобщающей науки относится представление о равном статусе всех языков как свидетельстве «своеобразия человеческого разума» в отношении к эмпирической (или экстенциональной) реальности. То же, что «языки расчленяют мир по-разному» на интенциональном уровне, проявляется в различиях грамматически-категориальных структур. Уорф указывал на существование в одном языке непосредственно кодированных категориальных различий для некоторых областей концептуализируемых естественных явлений, отсутствующих в другом языке. Показательный пример — кодирование событий, внешне состоящих из циклических повторений, «естественным образом» совершающихся в языке индейцев хопи. Тем самым этот язык по своей категориальной структуре отличается от «стандартных среднеевропейских» языков наподобие английского.

Уорф противопоставляет научную лингвистику «обывательским» представлениям о своем языке в сравнении с языками других народов. При этом обыватель сравнивает референциальную и предикативную «правильность» или «точность» двух или более языков с помощью очень ограниченных и ненаучных терминов, пытаясь объ-

яснить одно лексическое выражение при помощи другого, отыскивая сходства и различия в разных языках. Напротив, систематическое научное изучение грамматически-категориальной структуры показывает, что действительно изменяется при переходе от одного языка к другому, от одной имплицитной онтологической системы категорий референции к другой. Таким образом, вторая самостоятельная уорфианская тема связана с объяснением явного несоответствия между обыденными представлениями о «языке» вообще и отдельных языках в частности и научными представлениями лингвиста о языке вообще и определенных категориальных структурах, приписываемых этим языкам лингвистами.

Рассматривая отношение норм мышления и поведения к языку, Уорф уделяет особое внимание «культурному» характеру понятий «пространство» и «время». В предложенной им концепции речь идет о «новом виде относительности», а именно — об относительности «норм мышления» или представления о происхождении и своеобразии лингвистической категориальной структуры. По мнению Сильверстейна, на самом деле Уорф дает новаторское объяснение причин существования культурно особых «метафизических» понятий, подразумевающих «полное физическое покрытие всего нашего опыта, доступного, например, картезианскому — или даже блумфилдовскому — пониманию» (с.83). Мысль Уорфа заключается в том, что культурные измерения «пространство» и «время» представляют собой именно культурные понятия.

Третья тема (Сильверстейн называет ее «неподнятой темой») нечетко обозначена в конце жизни Уорфа и заключается в том, что, вероятно, всякое соотнесение языков — и через язык любых форм культурного семиозиса — невозможно, потому что мы не знаем, насколько наше собственное «соотнесение» одной грамматической категориальной системы с другой через категории универсальной грамматики зависит от соответствующих теоретических производных обыденного опыта.

Рассматривая концепцию Б. Андерсона о «воображаемых сообществах», Сильверстейн отмечает, что в основе предложенного Андерсоном осмысления культурной формы, в которой «национализм обладает магическим свойством обращать случай в судьбу», лежит «продуманное уорфианство» (с. 92). В анализируемом тексте Сильверстейн обнаруживает две характерные уорфианские темы. Во-первых, лингвистические и

связанные с языком представления жанры текста, контексты взаимодействия и социально-институциональные структуры составляют основную доказательную базу в рассуждениях Андерсона. Во-вторых, области, на которых играет воображение национализма, и сами формы, допускающие его игру, носят пространственно-временной характер в буквальном и в переносном смысле: геополитические области и их карты, переписи и прочие музейные и архивные артефакты; коллективные и совместные события во времени и их исторические описания; синхроническая — и синхронизируемая — принадлежность людей к символически представленным и перформативно обновляемым группам и т.д.

В области действительного дискурса и языка Андерсон, как полагает Сильверстейн, описывает воображение, лежащее в основе использования людьми вербального средства, которое «метафизически» (термин Уорфа) предполагает изначальное существование «националистического пространства-времени». В отличие от материального пространства-времени простого физического существования организмов, это пространство-время стало новой контекстуальной основой, подходящей для окончательного или авторитарного индексального обозначения с использованием личного дейктического «мы» — и во «включающем», и в «исключающем» смыслах — и его эквивалентов в других языках. Националистическое «мы» отличается от того, что существовало до него.

Это представляется сопоставимым с уорфианскими пользователями языка «среднеевропейского стандарта», в понимании которых ньютоновские «пространство» и «время» производят овнешнение, систематизацию и категоризацию понятий «реальности» с помощью соответствующих дейктических (индексально-денотативных) категорий, локативно-указательных местоимений для «пространства» и грамматического времени для «времени». Фразы измерения или измерительные выражения, которыми говорящие на языке «среднеевропейского стандарта» обозначают протяженность «пространства» и длительность «времени», становятся равнозначными «манерам речи» о реалиях, основанных на действительных действиях человека в мире. Уорф восстанавливает процесс, порождающий ряд культурных «метафизических» (в его терминологии) понятий, лежащих в основе дейксиса с категориями грамматического времени и локативно-указательных местоимений. Он пытается найти денотативную основу этих категорий, самые общие понятийные основания для правильного использования их го-

ворящими в актах референции и предикации. Эта основа обнаруживается им в этнометапрагматике, обыденных объяснениях, которые создают прозрачность контекста, структурах, свойственных фразам измерения и другим сопоставимым выражениям, позволяющим говорить о «пространстве» и «времени». При этом говорящие считают, что это одна и та же «реальность», определяемая дейксисом.

Рассуждения Уорфа, касающиеся обывательских представлений о (грамматическом) времени, обнаруживают сходство с рассуждениями Андерсона о националистическом мировоззрении. Дейктические категории локативно-указательных местоимений и грамматического времени, описанные Уорфом, в рассуждениях Андерсона заменяются категориями лица. В частности, индексальное предположение у андерсоновского националиста опосредуется так называемым множественным числом первого лица, т.е. локусом, который обозначает говорящего или отправителя сообщения как представителя более крупной совокупности обозначенных индивидов: говорящий плюс другие. Даже там, где дейксис множественного числа первого лица неочевиден, национализм означает воображаемое опознание «мы-высказывания» (по М. Бахтину), которое служит прагматической основой повествования, предполагая единство точки зрения. «Это “мы” создает нормативное сознание, которое разделяет с сознанием других особое гомогенное националистическое пространство-время – совокупность особых пространственно-временных посылок в intersубъективном нормативном сознании рассказчика и рассказываемого» (с. 96–97). Тем самым Андерсон признает основополагающую роль дискурса в своем исследовании национализма.

Дж. Фишман в статье «Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: Связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни» отмечает, что настоящих споров между примордиалистами и конструктивистами в западной социальной науке еще не было. При *конструктивистском* подходе социальные, политические, экономические и исторические процессы и условия считаются определяющими факторами при «конструировании» наций и этнических групп. Почти все ведущие социальные теоретики полагают, что вследствие возрастания рациональности и сложности современного общества социальные идентичности, основанные на «мифах» культурной самобытности и подлинности, становятся ненужными и неуместными. Сторонники

примордиалистского подхода убеждены, что местная социокультурная реальность отмечена примордиалистской подлинностью, самобытностью, миссией и величием. Речь идет прежде всего об очень широкой области, включающей гуманитарные науки, а также культурную и политическую «повседневную жизнь» народа, в которой до сих пор сохраняется примордиалистская ориентация. При этом ни конструктивисты, ни примордиалисты никак не воспринимают свидетельства или доводы в пользу обратного. Поэтому, считает автор, следует рассмотреть два типа «доказательств» и развитие аргументации по ряду пунктов.

Так, характеризуя основную особенность связи между языком и этничностью, примордиалисты рассматривают эту связь морально обязательной, неоспоримой и закрепляемой преемственностью между поколениями и обязательствами. Сохранение подлинной этнической идентичности невозможно без традиционно связанного с нею языка. «Свидетельства» одновременного исчезновения в прошлом языка и этничности (римляне, шумеры и др.) широко известны. С точки зрения конструктивистов, имеется немало «свидетельств» обратного — утрата традиционной связи с языком не приводила к утрате соответствующей этнической идентичности. По-разному трактуются и «каузальные последствия подлинной связи между языком и этничностью» (с. 118). Если примордиалисты стремятся соответствовать новым вызовам, черпая ресурсы, идеи, идеалы, вдохновение из древних святынь, то конструктивисты надеются соответствовать новым вызовам, отказавшись от старых источников.

Спор между примордиалистами и конструктивистами связан также с оценкой того, что Фишман называет «трагедией утраты языка» (с. 120). Ситуация такова, что народы, утратившие свой исторический язык и традиционно связанную с ним этнокультуру, испытывают на себе мучительный опыт пребывания «между жизнью и смертью». Они утрачивают свои сложившиеся представления о нравственности, преемственности поколений, значимости прошлого, настоящего и будущего и т.п. Однако конструктивисты не устают предсказывать приход «дивного нового мира единых рынков и тесно связанных мегаценностей, мегакультур и мегаязыков» (с. 120). Они озабочены в основном количеством языков и культур, в которых мир «действительно» нуждается или которые может «действительно» поддерживать. В основу оценки итоговых результатов при

таким «рыночным» подходе, очевидно, положены собственная выгода и ожидаемые положительные последствия от увеличения масштаба. Тем не менее, подчеркивает автор, религия, искусство, музыка, литература и философия последовательно отказались соглашаться с такими оценками, считая их признаком вырождения.

Показательно в этом отношении положение с языками в Европейском союзе: конструктивисты почти не сомневаются в том, что ЕС неизбежно возьмет курс на сокращение числа действующих языков. То есть даже наиболее богатая часть сообщества наций не в состоянии позволить себе полное сохранение этноязыкового многообразия. Примордиалисты считают, что существует другой путь и такие затраты не нужны. Сторонники примордиализма выступают также за оказание помощи языкам «опоздавшим» войти в число языков, используемых для выполнения задач, связанных с образованием. С этой помощью связывается надежда избежать исчезновения в XXI в. многих тысяч менее крупных и слабых языков. С точки зрения конструктивистов, если «опоздавшим» и следует помогать, то эта помощь должна оказываться в экономике, промышленности и торговле, а не в вопросах языка.

В целом разлад между примордиалистами и конструктивистами зачастую описывается в виде борьбы между чувствами и разумом, идеологией и знанием. И все же, по мнению автора, возможно, лучше считать этот спор борьбой между плюралистической и монистической идеологиями и противостоянием сепаратистских и объединительных устремлений. Примордиалисты не обязательно пренебрегают рыночной экономикой или глобальным сообществом, но они больше верят в изменение языка на местном уровне с рациональным приложением усилий по языковому планированию.

В статье «Язык и национальное сознание» И. Стернин отмечает, что характерной чертой современных гуманитарных наук является поворот проблематики фундаментальных исследований в сторону антропоцентризма. Это проявляется, в частности, в возрастающем интересе к проблемам сознания, в том числе национального, этнического. В лингвистике заметно оживился интерес к этнолингвистической проблематике. Интенсивное развитие когнитивной лингвистики, занимающейся проблемами языковой объективации мыслительных единиц, также на новом уровне ставит проблему соотношения языка и сознания, в том числе национального языка и национального сознания.

В то же время в науке до сих пор нет четкого разграничения терминов *мышление* и *сознание*. В предлагаемом автором понимании термин *мышление* отражает логическую, рациональную часть сознания, это его абстрактно-логическая составляющая. *Сознание* включает не только логические формы мысли, но и эмоционально-оценочную, волевую и чувственно-образную ментальные сферы. Таким образом, сознание включает мышление, но не исчерпывается им. Последнее время все большее распространение получает понятие «языковое сознание», оно используется лингвистами, психологами, культурологами, этнографами и др. В концепции автора «языковое сознание — компонент когнитивного сознания, “заведующий” механизмами речевой деятельности человека; это один из видов когнитивного сознания, обеспечивающий такой вид речевой деятельности, как оперирование речью» (с. 144).

Однако речевая деятельность человека сама является частью более широкого понятия — коммуникативной деятельности человека. В этой связи автор считает необходимым разграничивать языковое и коммуникативное сознания. «*Коммуникативное сознание* — это совокупность коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека» (там же). В этот комплекс включаются коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации. Для русского человека это совокупность знаний *о том, как надо общаться в России*. Примером этого разграничения может служить следующее: 1) *языковое сознание* содержит информацию *о формулах приветствия* (т.е. об имеющихся языковых единицах для обозначения некоторого концепта); 2) *коммуникативному сознанию* принадлежит информация о том, как надо приветствовать — с каким выражением лица, с какой интонацией, на какой дистанции и т.п. Коммуникативное сознание образуется прежде всего совокупностью ментальных *коммуникативных категорий*, содержащих знания о структуре самой коммуникации, набор принятых в обществе норм и правил коммуникации, а также коммуникативные установки сознания. Под коммуникативной категорией понимаются самые общие концепты (понятия), которые упорядочивают знания человека об общении и нормах его осуществления. Примером этих категорий

могут служить *общение, вежливость, коммуникативная ответственность, грамотность* и др.

Коммуникативные категории, формирующие национальное коммуникативное сознание, обладают национальной спецификой. Так, коммуникативные категории западного англоязычного мира, например, *small talk* (жанр светского разговора на общие темы), *privacy* (приватность, неприкосновенность личности), лакунарны для русского коммуникативного сознания. Вместе с тем такие русские коммуникативные категории, как *общение, разговор по душам, выяснение отношений*, отсутствуют в коммуникативном сознании других народов.

В статье приводятся результаты начальной стадии проведенного экспериментального исследования русского «коммуникативного идеала». На этом этапе выявлены основные, наиболее яркие составляющие русского коммуникативного идеала. Были опрошены 103 человека (29 мужчин и 72 женщины в возрасте от 20 до 50 лет, живущие в городе и в сельской местности). Испытуемым предлагалось ответить на вопрос «Идеальный собеседник — какой?». В исследовании применялась методика направленного ассоциативного эксперимента, учитывалась также и частотность реакций и выборов. Анализ показал, что подавляющее большинство признаков коммуникативного идеала отражает идеализированное представление о толерантном собеседнике. Напрямую это представление отражают признаки: *умеет слушать, вежливый, ищет консенсус, дружелюбный* и др. В статье представлены также результаты экспериментальных исследований концептов «русский язык» и «немецкий язык» в русском коммуникативном сознании.

В статье Анн-Мари Фортё «Язык и идентичность квебекцев итальянского происхождения» исследуется вопрос о том, как в условиях мультилингвизма (языки официальные, с одной стороны, и языки «неофициальные», «унаследованные от предков», — с другой) представители этнических миноритарных групп воспринимают связь языка и этнической идентичности. Факторы, влияющие на конструирование этой связи, рассматриваются в контексте исследования этнических отношений и культурных практик. Задачи данной статьи ограничиваются определением размеров и различных форм, которые может принимать отношение «язык — идентичность». Используемые данные получены в результате опроса, проведенного среди квебекцев итальянского происхождения в возрасте от 27 до

35 лет, живущих в Монреале, прошедших школьное обучение в основном на английском языке и говорящих на французском, английском и итальянском языках. Объектом анализа является дискурс, который респонденты используют при рассказе о своих языковых практиках. Речь идет также о мотивах, на которые ссылаются опрошенные родители, чтобы объяснить, почему они решили дать детям образование на французском языке и почему выбрали итальянский в качестве родного языка для своих детей, несмотря на то, что большинство из этих родителей говорят друг с другом на английском.

Как показало исследование, выбор итальянского языка связан с желанием поддерживать связь с прошлым. Однако возвращение в прошлое через изучение «родного» языка не устанавливает *необходимое* отношение между языком и связанной с ним этнической идентичностью. Язык как один из элементов культуры встраивается в *систему*, которая скорее производит этнос и этническую группу, нежели дополняет простой перечень элементов, действительно *составляющих* этнос. В то же время существуют ассоциации, предприятия, «Малая Италия», медиа, культурная деятельность, которые вносят свой вклад в создание итало-канадской идентичности. Даже если большое количество иммигрантов обеспокоено упадком у своих «потомков» определенных культурных практик, в том числе использования «родного» языка, то существование этих организаций свидетельствует об устойчивости «этнического» фактора в социальных отношениях. Это подводит автора к мысли о том, что назрела необходимость различать «родной» язык и язык «этнический».

В качестве аргумента в пользу конструкции «этнического» языка автор ссылается на исследования других ученых, предложивших использовать термин *ethnic speech style* «этнический речевой стиль», чтобы расширить ограничительный смысл понятия «язык» и включить в него надязыковые элементы. Признавая роль языка в выражении этнической общности, автор отмечает, что язык не всегда действует как важнейшее измерение, свидетельствующее об этнической идентичности группы.

В результате проведенного исследования выявлены факторы, которые могут участвовать в конструкции «этнического» языка. К ним относятся: 1) чувство *зависимости*, испытываемое респондентами в связи с тем, что они недостаточно хорошо владеют языком и что знанию других языков, особенно «неофициальных», придается

недостаточное значение; 2) *престиж и отличие*, связанные с признанием важности *мультилингвизма* и тем фактом, что респонденты обращаются как к своему опознавательному знаку не к итальянскому языку самому по себе, но скорее к своему мультилингвизму; 3) *сопротивление* установленному социальному порядку в той мере, в какой выдвигается требование признания языкового плюрализма квебекского народа.

В заключение автор отмечает, что различные формы, которые принимает «этнический» язык, существуют не в «чистом» виде. В использовании языка как опознавательного знака можно одновременно наблюдать исключение и включение, закрытость и открытость.

Список литературы

- Биллинг М. Нации и языки // Логос: Философско-литературный журнал. — М., 2005. — № 4 (49). — С. 44–70.
- Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Там же. — С. 4–32.
- Иванов В.Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему // Языкознание: Взгляд в будущее. — Калининград, 2002. — С. 6–85.
- Сильверстейн М. Урфианство и лингвистическое воображение нации // Логос: Философско-литературный журнал. — М., 2005. — № 4 (49). — С. 71–115.
- Стернин И. Язык и национальное сознание // Там же. — С. 140–155.
- Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: Связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Там же. — С. 116–124.
- Фортье А.-М. Язык и идентичность квебекцев итальянского происхождения. // Там же. — С. 173–184.
- Хобсбаум Э. Язык, культура и национальная идентичность. // Там же. — С. 33–43.